

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОТМЫВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ
В МОНГОЛИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

COMPARATIVE ANALYSIS OF CRIMINOLOGICAL STUDIES OF THE
PERSONALITY OF A CRIMINAL WHO COMMITTED CRIMES IN THE FIELD OF MONEY
LAUNDERING IN MONGOLIA AND THE RUSSIAN FEDERATION

Д.Энхтур

*Директор Института криминологических и полицейских исследований
Объединенного научно-исследовательского института
Университета внутренних дел Монголии,
кандидат юридических наук, капитан полиции*

Аннотация: Эффективное выявление и раскрытие фактов легализации активов криминального происхождения возможно в условиях, когда правоохранительные органы располагают криминологически значимой информацией о личности преступника. В механизме преступного поведения личность преступника и присущие ей побудительные мотивы занимают одну из главенствующих позиций.

Востребованность результатов криминологической характеристики личности преступника велика, поскольку она может быть использована в дальнейшем для разработки комплекса профилактических мер, направленных на противодействие легализации активов криминального происхождения. «Анализируя различные виды преступлений, криминологи всегда должны устанавливать, кто совершает эти преступления», и учение о личности преступника позволяет в полном объеме выполнить эту задачу. В этой связи исследование криминологически значимых признаков, относящихся к личности преступника, приобретает повышенную актуальность.

Abstract: Effective identification and disclosure of the facts of legalization of assets of criminal origin is possible in conditions where law enforcement agencies have criminologically significant information about the identity of the offender. In the mechanism of criminal behavior, the personality of the offender and the motives inherent in it occupy one of the dominant positions.

The demand for the results of the criminological characterization of the identity of the offender is great, since it can be used in the future to develop a set of preventive measures aimed at counteracting the legalization of assets of criminal origin. "When analyzing various types of crimes, criminologists must always determine who commits these crimes," and the doctrine of the identity of the offender allows this task to be fully completed. In this regard, the study of criminologically significant features related to the personality of the offender is becoming increasingly relevant.

Ключевые слова: Легализация активов, личность преступника, отмывание денежных средств, преступление.

Keywords: Legalization of assets, identity of the criminal, money laundering, crime.

В криминологии сложились устойчивые представления о том, что отличительными особенностями преступного поведения выступают негативная направленность интересов, устойчивая криминальная ориентация с отрицанием ценностно-нормативной системы общества⁷.

В правовой доктрине личность преступника получила осмысление как обобщенный социальный тип, т. е. научная абстракция, отражающая личностно-психологические характеристики человека, которые проецируются в детерминации

⁷ Криминология: учебник / под ред. Г. Л. Касторского. СПб: Книжный дом, 2007. С. 244.

преступного поведения⁸. В этой связи достаточно давно сложилась методика, в соответствии с которой может быть произведено индивидуально-психологическое и общесоциальное изучение личности преступника⁹. Личность преступника рекомендуется изучать с учетом формирующих ее внешних социальных факторов¹⁰, при этом асоциальное содержание ее ценностно-нормативной системы и устойчивые психологические особенности отличают ее от личности законопослушного гражданина¹¹. Социально-ролевые, социально-демографические, психологические черты личности получают связь с преступными действиями и характеризуют общественную опасность преступного поведения¹². При этом большинство лиц, совершающих отдельные виды преступлений, имеют ряд специфических особенностей¹³. Анализ высказанных суждений позволяет заключить, что детализация признаков личности преступника предпочтительней, нежели отождествление их с нормативными признаками субъекта преступления, которое также получило относительную распространенность в юридической литературе¹⁴.

В криминологической науке личность преступника рассматривается сквозь призму мотивации преступного поведения, социально-правового статуса, степени социальной адаптации¹⁵. Вследствие этого она определяется как социально-психологическая модель, обладающая специфическими чертами¹⁶, идеализированный объект научного познания, включающий совокупность знаний о преступниках¹⁷, совокупность негативных социально значимых свойств, находящих свое выражение в характере преступного поведения¹⁸.

В криминологии разработаны различные подходы к определению личности преступника, причем уже достаточно давно ученые солидарны в том, что при совершении преступления особые качества субъекта играют значительную роль¹⁹. При этом сложившиеся понятия личности преступника основаны на ее антиобщественной направленности²⁰, стойкости криминогенных качеств²¹ и совершении преступлений определенного вида²². Набор этих свойств, по выводам монгольских криминологов, структурирует общественную опасность личности, приводя к совершению преступления в конкретной ситуации²³. Традиционной в российской криминологии является дефиниция личности преступника как совокупности интегрированных в ней социально значимых свойств,

⁸ Плиев К. А. Личность преступника как предмет криминологической науки и объект социально-правового исследования // Общество и право. 2017. № 3. С. 73–75; Сахаров А. Б. Учение о личности преступника. // Советское государство и право. 1968. № 9. С. 65.

⁹ Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М.: Юрид. лит., 1970. С. 144.

¹⁰ Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 107–112.

¹¹ Антонян Ю. М. Личность преступника. М.: Норма, 2013. С. 24.

¹² Корецкий С. В. Личность преступника как объект психологического и юридического исследования // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 2. С. 88–99.

¹³ Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002. С. 165–168.

¹⁴ Карпец И. И. Проблема преступности. М.: Юрид. лит., 1969. С. 101–103; Плотников А. И. Объективное и субъективное в преступлении: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2012. С. 6.

¹⁵ Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб: Юридический центр пресс, 2004. С. 11–17.

¹⁶ Криминология / под ред. В. П. Малкова. М.: Юрайт, 2015. С. 82.

¹⁷ Коваль Ю. А. Некоторые социально-демографические характеристики субъекта коррупции в сфере высшего образования (по материалам Красноярского края) // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4. С. 81–87.

¹⁸ Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 107–112.

¹⁹ Блувштейн Ю. Д. Понятие личности преступника // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 97–102.

²⁰ Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. СПб: Питер, 2006. С. 91.

²¹ Кудрявцев В. Н. Личность преступника. М.: Юрид. лит., 1975. С. 201.

²² Коломытцев Н. А., Одинцова Л. Н. Личность преступника как криминологическая проблема // Государство и право: теория и практика. 2016. № 3. С. 42–53.

²³ Ганмягмар Б. Э. Особенности личности совершающих преступления в общественных местах (на примере городов Монголии) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3. С. 58–60.

предопределяющей формирование криминальной готовности²⁴. Руководствуясь сложившимися представлениями, проведем исследование особенности личности субъекта, совершающего легализацию активов криминального происхождения.

В современных исследованиях при анализе признаков отдельных видов преступлений необходимо внимание уделяется личности преступника. При этом ученые используют и уголовно-правовую характеристику субъекта преступления²⁵, и криминологическую характеристику социально значимых черт, формирующихся у него в процессе взросления и социализации²⁶. На этих основаниях разработаны критерии, в соответствии с которыми дифференцируются различные типы личности преступника²⁷. В этой связи можно отметить, что уголовно-правовое понятие «субъект преступления» и криминологическая дефиниция «личность преступника» различаются: первое характеризует набор юридически значимых признаков, с наличием которых уголовный закон связывает деликтоспособность, а второе отражает совокупность интегрированных социально значимых свойств, в силу которых у лица возникает намерение совершить преступление.

При этом следует учитывать, что юридические признаки, которым должно соответствовать лицо, подлежащее уголовной ответственности, в целом не дают подробной информации о его личности, т. е. наборе нравственных ценностей, психологических особенностей, социальной принадлежности, а также об интенсивности антиобщественных установок. Личность преступника, с криминологической точки зрения, наделена определенными признаками, совокупность которых включает социально-демографические, социально-психологические, социально-адаптационные и иные свойства, а также характеристики устойчивости девиантного поведения, интегрирующих возможность совершить преступление. На основе результатов, полученных эмпирическим путем при изучении материалов уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, а также доступных сведений о лицах, причастных к совершению преступлений, предусмотренных ст. 18.6 УК Монголии проведен анализ, результаты которого позволили сделать соответствующие выводы.

В современных исследованиях выдвинут тезис о том, что онтологическим основанием криминологических исследований может выступать непосредственно человек, и ключевым декриминализирующим фактором является исключительно улучшение его жизни и появление вариативных некриминальных способов удовлетворения потребностей²⁸. С этим можно согласиться, однако не в полном объеме. Как правило, лица, совершающие легализацию активов криминального происхождения, относятся к хорошо обеспеченным группам населения и обладают стабильным доходом и собственным капиталом.

Для сравнения, монгольскими криминологами обосновано, что в структуре личности преступника необходимо выделять признаки, относящиеся к составу преступления, и прочие, не относящиеся к составу преступления²⁹. При этом первая группа включает такие признаки как возраст, вменяемость, иногда служебное

²⁴ Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. М.: Норма, 2000. С. 34.

²⁵ Павлов В. Г. Субъект преступления. СПб: Юридический центр пресс, 2001. С. 8–13; Щербаков А. В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 100–106.

²⁶ Косарев В. Н. Структура и типология личности преступника, и их значение для правоохранительных органов // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 231–233.

²⁷ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М.: Спарк, 1999. С. 21; Кургузкина Е. Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2003. С. 303–321; Цеева С. К. Личность преступника: понятие, структура и типология // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1; Регионоведение, философия, история социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2. С. 308–310.

²⁸ Рыбак А. З. Криминология в человеческом измерении: новая методология. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 6.

²⁹ Гантумур Г. Общая теория состава преступлений. Улан-Батор, 2003. С. 119.

положение или какой-либо иной статус. Вторая группа признаков включает уровень жизни, семейное положение, возраст, пол, болезни, личный характер и нрав, возможность исправления и иные признаки, которые имеют значение для учёта их судом при привлечении лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности, и вынесению по ним приговора, освобождения от уголовной ответственности и осуждения.

Поскольку социально-демографические, социально-ролевые и психологические черты, которые определяют место субъекта в системе социальных связей, степень его социализации, глубину антиобщественных установок и интенсивность преступного поведения, не могут быть предметом уголовно-правовой характеристики, интерес представляет их криминологический анализ. Поэтому представляется правильным дополнение юридических критериев, которым должно соответствовать лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, социальными параметрами, с помощью которых можно установить характер и степень общественной опасности лиц, совершающих преступления.

В правовой доктрине преступность традиционно понимается в конфликтологическом контексте³⁰. Будучи социальным явлением и отражая не только структуру девиантности³¹, но и готовность части населения удовлетворять собственные потребности с нарушением уголовно-правовых запретов³², преступность характеризуется и интенсивным освоением новых приемов, рационализирующих совершение общественно опасных посягательств. По сути, в этом качестве преступность эволюционирует, модернизируется и приобретает новые качественные характеристики. Одновременно появляются и новые формы преступного поведения, и новые или адаптированные известные характеристики лиц, совершающих преступления.

Отличительными особенностями такого поведения являются устойчивая криминальная ориентация с отрицанием ценностно-нормативной системы общества и негативная направленность интересов³³. В ходе совершения названного преступления виновный прежде всего руководствуется корыстной мотивацией, которая, как правило, вызвана деформацией нравственных установок. Следует обратить внимание и на совокупность характеристик личности преступника, влияющей на мотивацию преступного поведения, поскольку именно мотивационная сфера является основной гиперактивного поведения³⁴. Ученые обращают внимание на то, что лица, совершающие преступления экономической и коррупционной направленности, обладают исключительно «потребительским мировоззрением»³⁵.

Корысть получила научное осмысление как стремление одних людей завладеть средствами существования других³⁶. В структуре исследуемого деяния корысть, наряду с алчностью, является основой мотивации преступного поведения. При этом она уравнивается осознанием рисков, связанных с обнаружением и пресечением преступных действий, вследствие чего в структуре личности преступника могут проявляться черты, детерминирующие использование изощренных приемов сокрытия совершенного преступления.

В научной литературе предложен ряд классификаций лиц, совершающих преступления корыстной направленности. Так, в основу одной из них положен такой

³⁰ Александров А. И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб: изд-во СПбГУ, 2013. С. 47.

³¹ Гилинский Я. И. Криминология. СПб: Юридический центр прес, 2002. С. 91.

³² Преступность, ее виды и проблемы борьбы / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. С. 17.

³³ Криминология: учебник / под ред. Г. Л. Касторского. СПб: Книжный дом, 2007. С. 244.

³⁴ Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М.: ИГПАН РАН, 1991. С. 107.

³⁵ Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. М.: ЦентрЮрИнфор, 2000. С. 34.

³⁶ Денисов В. В. Факторы, способствующие совершению некоторых корыстных преступлений против собственности, не связанных с хищением, их криминологическая характеристика // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1. С. 351–357.

признак, как первичное или повторное совершение преступления, т. е. степень стойкости антиобщественной направленности³⁷. Другой подход предполагает дифференциацию по мотивам преступного поведения (корыстолюбивый тип, утверждающийся, дезадаптированный, семейный, игровой, алкогольно-наркотизированный); по степени устойчивости преступной установки (ситуационный, неустойчивый, злостный, особо опасный тип); по характеру преступных действий (воры – профессионалы; грабители, разбойники; взяточники; растратчики; иные корыстные преступники)³⁸. Третий – разграничение типичных черт личности преступника, совершающего корыстные, насильственные, корыстно-насильственные преступления³⁹. На этом основании выделены особенности социально-психологические особенности несовершеннолетних и совершеннолетних лиц, совершающих преступления против собственности⁴⁰; а также лиц, повторно совершивших общественно опасные деяния⁴¹, лиц, оказавшихся в социально напряженной ситуации⁴², и др. Все названные классификации обладают, безусловно, научной ценностью, однако не в полном объеме могут быть востребованными для анализа личности преступника, совершающего легализацию активов криминального происхождения, поскольку, кроме корыстной направленности его действий, интерес представляет и интеллектуальная составляющая его менталитета.

Изучение личности преступника позволяет разграничить отдельные типы, отличающиеся глубиной и интенсивностью криминогенных качеств: случайный; ситуационный; неустойчивый; злостный; особо злостный. Это имеет значение как в отношении субъектов, первично совершающие предикатные преступления, так и в отношении лиц, непосредственно участвующих только в акте легализации денежных средств или имущества.

Применительно к ним выделяется несколько типов личности: ситуативный, корыстный, конформистский, самоутверждающийся, патологический, романтический, «революционный»⁴³. Указанная классификация в целом используется для характеристики личности преступника, совершающего противоправные действия в экономической сфере.

Для «беловоротничковой» преступности характерной чертой является наличие у субъекта респектабельного положения в обществе, устоявшегося социального статуса, стабильной некриминальной репутации⁴⁴. В определенной степени это присуще и лицам, занимающимся легализацией активов криминального происхождения. В подтверждение данного тезиса приведем некоторые результаты обобщения судебной практики.

По уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 18.6 УК Монголии, к ответственности привлекались преимущественно лица старше 40 лет (79 %), имеющие высокий постоянный доход, высшее экономическое или финансово

³⁷ Вдовенко Н. С. Криминологическое изучение личности вора // Правовые проблемы профилактики правонарушений. Труды Академии МВД СССР. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1985. С. 99–104.

³⁸ Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 179–185.

³⁹ Целиев А. М. Вопросы типологизации корыстно-насильственных преступников // Правоведение. 1984. № 6. С. 56–62; Шатилов А. В. Криминологические признаки корыстно-насильственного преступника-участника банды // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями. 2017. № 1. С. 44–47.

⁴⁰ Логинова К. Ю. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетних, совершающих имущественные преступления // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3. С. 117–120.

⁴¹ Серкова Т. В. Личность преступника, совершившего повторное общественно опасное деяние // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 4. С. 141–144.

⁴² Ларин В. А. Особенность уголовно-правовой характеристики лиц, совершивших преступления в социально напряженных ситуациях // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 «Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2015. № 3. С. 262–264.

⁴³ Иншаков С. М. Криминология. М.: Юриспруденция, 2002. С. 162–163.

⁴⁴ Карпович О. Г., Шулепов Н. А. «Беловоротничковая» преступность в США через призму мирового финансово-экономического кризиса: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. С. 61–81.

экономическое образование, длительный стаж работы по специальности. Почти каждый пятый из них имел властные или управленческие полномочия, облегчавшие совершение преступления и способствующие наличию коррупционных связей. Образ жизни субъекта, наблюдаемый широкой публикой, включал исключительно положительные стороны: 98 % обвиняемых имели устойчивые семейные связи, обладали безупречной репутацией, пользовались авторитетом. 100 % этих лиц – мужчины, жители городов, поскольку городская инфраструктура в большей части способствует совершению финансовых операций и иных сделок с имуществом, имеющим криминальное происхождение. Стабильный легальный высокий доход имели 68 % обвиняемых, средний – 30 %. Только 2 % обвиняемых не имели постоянного законного источника доходов. При этом во всех случаях обвиняемыми использовались достаточно изощренные способы совершения преступлений, в том числе, за пределами страны, что не позволило монгольским судам сформировать устойчивую практику уголовного преследования. В процессе подготовки диссертационного исследования нами изучено 50 уголовных дел, расследовавшихся следственными подразделениями МЮИВД Монголии, но ни по одному из них не было постановлено обвинительного приговора, и они прекращались по итогам предварительного расследования или судами.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, можно было наблюдать иную картину. Стабильно высокий или средний доход имели большинство осужденных, и – так же, как и в монгольской правоприменительной практике, – к уголовной ответственности были привлечены только мужчины и только жители городов. Однако иные социально-демографические признаки осужденных отличаются. Порядка 34 % осужденных не достигли 40 лет и имели опыт работы в коммерческих структурах, в том числе банках, а 24 % – опыт работы в организациях, осуществляющих за юридической чистотой финансовых операций (например, в аудиторских фирмах) или состояли на государственной службе. Из этого следует, что лица, совершающие легализацию активов криминального происхождения являются представителями «беловоротничковой» преступности, обладающими высоким уровнем образования, стабильным личным доходом, устойчивыми социальными связями и положением в обществе.

Последнее обстоятельство позволяет отметить, что ими практиковалась легализация доходов от предикатной собственной преступной деятельности, квалифицирующаяся по ст. 174.1 УК РФ. Остальные 42 % осужденных легализовывали доходы от предикатных преступлений иных разновидностей (в том числе, незаконного сбыта наркотических средств, игорного бизнеса, реализации товаров, работ, услуг, не соответствующих требованиям безопасности). В этой группе лиц криминальный профессионализм был выражен в меньшей степени, и отсутствие образования высокого уровня, скорее, способствовало их изобличению. В основном ими совершались безналичные финансовые операции, направленные на аккумуляцию денежных средств, поступающих на не персонифицированные счета, на личные счета в банках.

Следует отметить и то обстоятельство, что по изученным уголовным делам и в Монголии, и в России субъекты ранее не привлекались к уголовной ответственности, поэтому выявленные эмпирическим путем характеристики их личности представляют определенную научную ценность. Данное обстоятельство диктует необходимость предложить типологию личности преступника, поскольку она может быть полезна для правоприменителей, не имеющих большого опыта квалификации легализации денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем. В основу типологии могут быть положены мотивационный критерий и совокупность потребностей, удовлетворение которых осуществляется посредством незаконных действий. Выраженная корыстная направленность рассматриваемого преступления и незаконное обогащение вследствие его совершения отражаются в следующих типах личности преступника.

Во-первых, это корыстолюбивый тип, совершающий такие действия на постоянной основе, аккумулирующий денежные средства или тратящий их на предметы роскоши. Для данных лиц характерно стремление к обогащению, приобретению внешней атрибутики, отражающей успешный образ жизни. По изученным уголовным делам к таким можно отнести порядка 38 % привлекавшихся к уголовной ответственности.

Во-вторых, это семейный тип, действующий в целях обеспечения семейного благополучия или иных нужд своего окружения. Около 29 % осужденных или обвинявшихся в совершении рассматриваемого преступления использовали родственные отношения, фактически вовлекая в криминальную активность своих родственников или близких лиц.

В-третьих, это утверждающийся тип, т. е. лицо, руководствующееся мотивом самоутверждения, желающий возвыситься в кругу своего общения за счет навыков, позволяющих вести респектабельный образ жизни, не прилагая для этого труда. 21 % субъектов, составивших эту категорию, имели склонность к самоутверждению и демонстрации собственной исключительности.

В-четвертых, это дезадаптированный тип, для которого совершение рассматриваемого преступления – единственный источник дохода (7 % привлекавшихся к уголовной ответственности). Находясь вне правового поля, такие лица обладают стойкими криминогенными установками.

В-пятых, это наркотизированный тип, встречающийся достаточно редко (5 % уголовных дел), обладающий наркотической зависимостью и легализующий денежные средства, вырученные за счет продажи части наркотических средств. Такие лица также обладают интенсивными криминогенными качествами, поскольку изначально вовлечены в общественно опасную деятельность.

Предложенная типология личности преступника подтверждена и результатами социологического опроса правоприменителей в двух государствах, в котором приняли участие около 200 человек. 73 % из них согласились с авторскими выводами и признали, что взаимодействовали с представителями каждого выявленного типа при расследовании фактов легализации активов криминального происхождения.

Подводя итог, можно заключить, что исследование личности преступника, совершившего легализацию активов криминального происхождения имеет определенную практическую ценность, и его результаты могут оказаться востребованными в правоприменительной практике. В дальнейших исследованиях экономической преступности, частью которой является легализация активов криминального происхождения, разработанная автором типология личности преступника может оказаться востребованной и получить практическую апробацию. В правоприменительной деятельности она имеет перспективу использования в части установления способов компенсации ущерба, причиненного легальным экономическим отношениям.

В заключении необходимым сделать следующие выводы:

1. Криминологические исследования личности преступника основаны на учете девиантных качеств, детерминирующих преступное поведение. Для лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности, этими качествами выступают правовой нигилизм и корыстолюбие, вследствие которых ступоры для незаконного обогащения во многом ограничены только угрозой наказания.

2. Лица, легализующие активы криминального происхождения являются представителями «беловоротничковой» преступности, обладающими высоким уровнем образования, стабильным личным доходом, устойчивыми социальными связями и положением в обществе.

3. На основании результатов изучения материалов судебной практики предложена типология личности преступника, совершающего легализацию денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, в основу которой положены мотивационный критерий и совокупность потребностей, удовлетворение которых

осуществляется посредством незаконных действий. Выраженная корыстная направленность рассматриваемого преступления и незаконное обогащение вследствие его совершения являются центральными чертами, мотивирующими преступное поведение.

Список литературы

1. Пинкевич Т. В. Экономическая преступность: понятие, сущность, виды // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17.
2. Криминология: учебник / под ред. Г. Л. Касторского. СПб: Книжный дом, 2007.
3. Плиев К. А. Личность преступника как предмет криминологической науки и объект социально-правового исследования // Общество и право. 2017. № 3. Сахаров А. Б. Учение о личности преступника. // Советское государство и право. 1968. № 9.
4. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. М.: Юрид. лит., 1970.
5. Эминов В. Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2.
6. Антонян Ю. М. Личность преступника. М.: Норма, 2013.
7. Корецкий С. В. Личность преступника как объект психологического и юридического исследования // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 2.
8. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002.
9. Карпец И. И. Проблема преступности. М.: Юрид. лит., 1969. С. 101–103; Плотников А. И. Объективное и субъективное в преступлении: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2012.
10. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб: Юридический центр пресс, 2004.
11. Криминология / под ред. В. П. Малкова. М.: Юрайт, 2015.
12. Коваль Ю. А. Некоторые социально-демографические характеристики субъекта коррупции в сфере высшего образования (по материалам Красноярского края) // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4.
13. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1.
14. Блувштейн Ю. Д. Понятие личности преступника // Советское государство и право. 1979. № 8.
15. Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. СПб: Питер, 2006.
16. Кудрявцев В. Н. Личность преступника. М.: Юрид. лит., 1975.
17. Коломытцев Н. А., Одинцова Л. Н. Личность преступника как криминологическая проблема // Государство и право: теория и практика. 2016. № 3.
18. Ганмягмар Б. Э. Особенности личности совершающих преступления в общественных местах (на примере городов Монголии) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3.
19. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. М.: Норма, 2000.
20. Павлов В. Г. Субъект преступления. СПб: Юридический центр пресс, 2001. С. 8–13; Щербаков А. В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2.
21. Косарев В. Н. Структура и типология личности преступника, и их значение для правоохранительных органов // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4.
22. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М.: Спарк, 1999. С. 21; Кургузкина Е. Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2003. С. 303–321;

Цеева С. К. Личность преступника: понятие, структура и типология // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2.

23. Рыбак А. З. Криминология в человеческом измерении: новая методология. М.: Юрлитинформ, 2020.

24. Гантумур Г. Общая теория состава преступлений. Улан-Батор, 2003.

25. Александров А. И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб: изд-во СПбГУ, 2013.

26. Гилинский Я. И. Криминология. СПб: Юридический центр пресс, 2002.

27. Преступность, ее виды и проблемы борьбы / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011.

28. Криминология: учебник / под ред. Г. Л. Касторского. СПб: Книжный дом, 2007.

29. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М.: ИГПАН РАН, 1991.

30. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. М.: ЦентрЮрИнфор, 2000.

31. Денисов В. В. Факторы, способствующие совершению некоторых корыстных преступлений против собственности, не связанных с хищением, их криминологическая характеристика // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1.

32. Вдовенко Н. С. Криминологическое изучение личности вора // Правовые проблемы профилактики правонарушений. Труды Академии МВД СССР. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1985.

33. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

34. Целиев А. М. Вопросы типологизации корыстно-насильственных преступников // Правоведение. 1984. № 6. С. 56–62; Шатилов А. В. Криминологические признаки корыстно-насильственного преступника-участника банды // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями. 2017. № 1.

35. Логинова К. Ю. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетних, совершающих имущественные преступления // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3.

36. Серкова Т. В. Личность преступника, совершившего повторное общественно опасное деяние // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 4.

37. Ларин В. А. Особенность уголовно-правовой характеристики лиц, совершивших преступления в социально напряженных ситуациях // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 «Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2015. № 3.

38. Иншаков С. М. Криминология. М.: Юриспруденция, 2002.

39. Карпович О. Г., Шулепов Н. А. «Беловоротничковая» преступность в США через призму мирового финансово-экономического кризиса: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.